

Идите

и смотрите!

ПОРТРЕТ

Лариса ДАВТЯН

Наверняка знакомство с артистом **Сергеем Безруковым** для многих началось с его голоса, а точнее — с его пародий.

Вот уже второй год он мастерски забавляет нас в телевизионной программе «Куклы», озвучивая поначалу первейшего из всех россиян, а затем и других претендентов на президентский пост. Недавно поле его теледеятельности пополнилось еще несколькими разнохарактерными юмористическими персонажами из программы Игоря Угольникова «Доктор Угол», а также ролью ведущего музыкальной программы «Шарман-шоу».

А чуть раньше сам он был гостем программы Виктора Мережко «Мое кино», в рамках которой показывался фильм «Ноктюрн для барабана и мотоцикла» — режиссерский дебют Карине Фолянц и кинодебют Сергея Безрукова, тогда еще студента Школы-студии МХАТ. В фильме он сыграл современного менестреля, протянувшего руку печальной незнакомке. Эта роль Безрукова на кинофестивале «Созвездие-94» была отмечена специальным призом «За молодость, актерское обаяние и актерскую непосредственность» — названием приза все сказано. А к тому времени он был уже дважды победителем Всероссийского конкурса чтецов имени В.Н.Яхонтова.

На следующую кинороль в фильм «Крестоносец» Безрукова пригласила Ассоциация каскадеров России. Работа в этой картине ощущалась Сергеем как дань актерского преклонения перед этими рискованными людьми, без которых в кино не обойтись. Им, игрокам по жизни, зачастую выпадает преждевременный финал, чего не избежал и окрыленный герой Безрукова. Вообще говоря, судя по внушительному к его двадцати трем годам послужному списку, режиссерами будет настойчиво использоваться беспроницаемо действующий на чувственные клапаны зрителей эффект прерванного полета. И вполне к стати в та-

кой наметившейся линии явился саркастический поворот — Клиневич, возмутитель спокойствия в стане «жмуриков» у Достоевского в «Бобке», в недавнем спектакле Валерия Фокина «Анекдоты» («Табакерка»).

В конце того же 1994 года тем, кому удалось посмотреть юбилейный вечер Театра сатиры, где играет отец Сергея Виталий Безруков, безусловно, запомнилась новая версия «Уральской рябины», которой Безруков-младший буквально свалил зал наповал. А руководству театра лишь оставалось посветовать, что столь ценную актерскую смену перетянули на сторону. Ведь Сергей уже был принят в труппу Театра-студии под руководством Олега Табакова.

Фактически работа в «Табакерке» началась в студенческие годы. В «Страхх по Бумбарашу» Безруков в роли студента впервые заявил о себе на сцене этого театра. Затем последовали многочисленные вводы в «Билоски-блюз», «Крышу», «Затоваренную бочкотару», «Матросскую тишину».

Первая крупная роль, которая была режиссерски сориентирована конкретно на Безрукова, — Петр в спектакле Адольфа Шапиро «Последние» М.Горького. За нее осенью 1995 года он был удостоен звания лауреата первого фестиваля «Московские дебюты». Трогательный, искренний, «последний» из вымирающего племени чистых натур, его Петр не стеснялся даже на фоне таких корифеев российской сцены, как Ольга Яковлева и Олег Табаков, исполняющих в спектакле роли его родителей. Пожалуй, сыновний трагизм Петра, его муки от осознания духовной безотцовщины при живом отце-ничтожестве Безруков-актер чувствует по контрасту. Ведь в жизни Безруков сын трепетно дорожит своим родительским очагом.

Завидная участь для сына — почитать в отце своем учителя по творчеству, а в матери своей — незаменимую, добрую хранительницу, оберегающую их творческий огонь. Завидная участь родителей — быть по достоинству оцененными сыном, понимающим свои успехи как их заслугу. Завидная участь для них всех — сыну осуществ-

Сергей Безруков и его «герой»

вить мечту отца. Когда-то Виталий Безруков и режиссер Борис Равенских, пригласивший его в Театр имени А.С.Пушкина, были одержимы ролью Сергея Есенина, которую так и не удалось воплотить. Хотя Безруков-старший прикоснулся к этому образу в первом телевизионном варианте «Анны Снегиной», снятой еще до известного фильма С.Урусева «Пой песню, поэт!». Так что в семье Безруковых культ Есенина существовал еще до рождения сына, в честь которого он и был назван, как, впрочем, и в честь деда со стороны отца, от которого Сергей унаследовал ярко выраженную музыкальность.

И вот завершившийся театральный сезон одарил московскую публику незабываемым впечатлением от игры Сергея Безрукова в роли Есенина на ермоловской сцене.

Происхождение самой идеи этого спектакля невольно ассоциируется с классической гармонией трех граций. Судите сами: актриса Театра имени М.Н.Ермоловой Ольга Селезнева, неизлечимо заболев мечтой о роли Айседоры Дункан, можно сказать, заставила завлита своего театра Нонну Голикову заразиться этой темой, в результате чего и родилась пьеса «Жизнь моя, или ты приснилась мне?», которую поставила Фаина Веригина. Имена этого дамского триумвиата оказались несколько оттеснены лавиной успеха, которая полноправно выпала на долю Безрукова. Но грех впадать в мелочность амбиций, когда состоялось театральное событие.

Естественно, после подобного творческого взлета самое сложное — следующая роль: ее сущностный потенциал, который бы позволил артисту удерживать заявленную им высоту. Наверняка это прекрасно сознавал режиссер Андрей Житинкин, предлага-

Безрукову вслед за Есениным, а вернее — одновременно с ним, примерить на себя не менее драматическую судьбу литератора наших дней, в трепетской традиции сводящего свои счеты с жизнью. Речь идет о герое из спектакля Театра-студии под руководством О.Табакова «Псих», поставленного по роману живущего в Америке бывшего нашего соотечественника Александра Минчина. Безруков здесь играет молодого писателя, «по собственному желанию», из практических и творческих соображений в психушку, но оказавшегося не на шутку ею скрученным.

Итак, содержательная сторона спектакля — пример воздействия на публику синдрома «Палаты N 6», что, пожалуй, создает дополнительную проблему для режиссера, заботящегося об оригинальности. Но на спектакле Житинкина не возникает желания вдаваться в литературные параллели, так как рассказанная нам история заставляет с заворуженностью следить за тем, как она рассказана. А это актерское в полной зависимости от того, кто ее рассказывает — и здесь режиссерское попадание стопроцентно. Изломанная динамика роли позволяет судить о Безрукове, как об актере вне амплуа. Ему в равной степени подвластны стили смеха, тонкость лиризма, мощь трагедийности.

Признаюсь, после Есенина, стремясь продлить в себе впечатление от его сценической версии, я ощутила навязчивую потребность в есенинских стихах. А после безруковского «психа» как будто уже не за чем обращаться к первоисточнику. Да просит меня господин Минчин — такова внушительность актерского дара Сергея Безрукова. Идите и смотрите!